

щен к В. И. Чернышеву. Это тем более досадно, что в сборнике даны отдельные ценные штрихи, характеризующие бытование сказки. Например, на стр. 293 приводится такое любопытное наблюдение: «Для уяснения жизни сказки любопытно ее (сказочницы.—Э. П.) сообщение, что сказки у них обычно рассказывались, чтобы развеселить и ободрить себя во время зимних вечерних работ: пряденья, тканья. Эта связь сказки с домашними работами — прядением и ткачеством — весьма замечательна». На стр. 300 даются сведения о том, что сказка «Лиса и волк» была рассказана сказочником Волковым в разговоре с домашними «как иллюстрация одной мысли об обмане». Однако отдельные меткие наблюдения не обобщены, как бы брошены случайно и не дают целостной картины жизни и бытования сказки в данных районах в 20-х годах нашего века.

Сборник дает материал, который может быть использован при изучении проблемы: Пушкин и народное творчество, проблемы, тесным образом связанной с вопросами народности пушкинского творчества. Рецензируемый сборник должен привлечь внимание исследователей, изучающих творчество Пушкина. Принимая во внимание особенности сказочного творчества, можно предполагать, что, несмотря на сто лет, разделяющих время пребывания Пушкина в Михайловском и Болдине от времени записей Чернышева, в книге отобранен сказочный репертуар, близкий тому, какой существовал в «пушкинских местах» в пушкинские времена. «Данные тексты,— справедливо замечает собиратель,— ясно отражают то богатое сказочное окружение, своего рода народную литературную атмосферу, среди которой жил и творил наш величайший поэт» (стр. 272). В сборнике имеются варианты следующих пушкинских сказок: «Жених», «О царе Салтане», «О рыбаке и рыбке», «О попе и работнике его Балде», «О мертвой царевне», а также варианты записей Пушкина о царе Берендее, о Кашее, о Соломоне, о похищении детей нечистой силой. В остальных сказках В. И. Чернышев считает возможным усмотреть «много общего со сказками Пушкина по языку, складу речи, типичным выражениям, сказочным образом и мотивам, по художественному стилю вообще, который объединяет сказки Пушкина и народные русские сказки» (стр. 272).

Однако не следует преувеличивать значение этой книги для изучения вопроса о фольклоризме Пушкина. Великий поэт ориентировался в своем творчестве не на узко местную, областную традицию, а на мощное общерусское, общенародное поэтическое творчество.

Нельзя согласиться и с тем, как В. И. Чернышев формулирует задачи, стоящие перед исследователем пушкинских сказок. «Полагаем,— пишет исследователь,— что общая задача изучения сказок Пушкина сводится к 1) выяснению материалов, которые фактически были или могли быть источником его сказок, 2) изучению способов, которыми поэт использовал эти материалы, 3) исследованию конечного результата его творчества — самого текста его сказок». При такой постановке вопроса задача изучения творчества Пушкина сводится к формальным, текстовым моментам, а такие большие вопросы, как причины обращения поэта к фольклору, как целенаправленность использования им народного творчества, как идейное содержание его сказок,— остаются совершенно в стороне.

Недостаточно дифференцированы в книге Чернышева вопрос об обращении Пушкина к фольклору и вопрос о влиянии Пушкина на фольклор. Несомненно, некоторые тексты, приведенные в книге, в основе своей имеют пушкинский текст, что и отмечено местами Чернышевым, но не обобщено, не выдвинуто как самостоятельная проблема. А между тем в книге можно найти многочисленные примеры использования сказочниками пушкинского текста.

Все это снижает исследовательскую значимость книги, не поднимающейся над уровнем сборника любопытных материалов, недостаточно осмысленных и обобщенных их собирателем и исследователем.

Э. Померанцева

Сказки Смоленщины. Сборник составил Б. Шурыгин. Смоленское областное государственное издательство, 1949, 66 стр., тираж 10 000 экз., цена 2 р. 50.

Сборник Б. Шурыгина — не научная публикация текста. Это — массовое популярное издание, далекое от полноты (в нем всего восемь сказок), призванное удовлетворить запросы широких читательских масс. Но такой характер сборника обязывает составителя особенно тщательно отнестись к вопросу отбора сказок, выбрать из них самые типичные для Смоленской области, лучшие как в идейном, так и в художественном отношении.

Составитель сборника чрезвычайно беззаботно отнесся к подготовленному им изданию. Сборник не имеет ни предисловия, ни указаний на использованные источники. Научность издания, как свидетельствует эта книга, смоленским издательством исклещается из изданий для массового читателя.

Что же представляет собой сборник со стороны содержания?

Из восьми сказок сборника пять («Клец-солоней», «Знай свой топор», «Чудный сон», «Поп и работник» и «Разориновы найденыши») представляют собой перепечатку из вышедшего в 1938 г. сборника того же составителя Б. Шурыгина «Народные сказки» (Смоленск, Смолгиз, 1938), изданного тем же издательством тиражом в

25 000 экз. Этот сборник содержит сказки, записанные в областях, входивших ранее в Западную область (часть Белоруссии, Смоленская и Калининская области).

Может быть, перечисленные сказки настолько значительны и интересны, что появилась настоятельная необходимость в их переиздании? Возве нет. Как видно из предисловия к сборнику 1938 г., при записи этих сказок не преследовалась цель дать точный научный текст, а при издании сделанных записей «часть сказок подверглась небольшой литературной обработке» (стр. 3). Сборник, откуда перепечатывались сказки, был предназначен для работников художественной самодеятельности.

Но, возможно, содержание этих сказок ново и значительно само по себе? Снова приходится отвечать отрицательно. Это — обычные традиционные сказки на тему о солдатской хитрости («Клец-солонец»), честности бедняка («Знай свой топор»), чудесном сне («Чудный сон»), ловком работнике («Поп и работник») и т. д. Если перепечатка подобных сказок, не давая большой пользы, не принесет и вреда, то публикатора сказки «Разориновы найденыши» — явный недосмотр и составителя, и редактора сборника. Самая большая сказка (она занимает 26 стр. из 65-ти) представляет собой неумелую компиляцию лубочных сказок самого низкого качества, совершенно чуждых по идее, содержанию и языку русским народным сказкам. Чего стоят, например, образы двух братьев-лентяев, которые «Великолетний год напролет, целое лето теплое... на берегах без дела посиживали да завистливо поглядывали» на плывущие мимо купеческие корабли с разными товарами («Сказки Смоленщины», стр. 23). Русской сказке чужды изображения героев, занимающихся вместо труда тем, что «ловили шестами прилаженными, что бог послал, что от чертей осталось» (там же, стр. 22).

Изображению чертовской силы вообще в сказке уделено непропорционально много места. В ней рассказывается о сложной иерархии нечистой силы во главе со старым чертом Гальяном и его советниками: «двурогими, однорогими и безрогими чертями», о шабашах, где черт «тмьякал смачную купеческую душу», ожидая к блинам из перетертых человеческих костей салыца, натопленного из маленьких детей... Спрашивается: кому нужна эта сказка, чему она научит своих читателей, какие чувства она в них разовьет? Что может дать советскому школьнику (а именно для него в основном и предназначаются массовые издания сказок в наши дни) сказка, рассказанная таким языком: «Не сказано при каком короле, только на русской земле, где ведьмы ходили, ехидно притворяючись, где летали сороки-долгохвостки, низко опускаючись, где ветер ворчал, как злоный пес, на перекрестках, ...жили были два родные брата»¹.

Ко всему этому надо добавить, что, по данным комментария к сборнику Б. Шурьгина, откуда сказка «Разориновы найденыши» перепечатана, она и записана-то была вовсе не в Смоленской области. Сказка, как указывает комментарий, записана от 96-летней М. М. Назаровой из колхоза «Пестово» Новосколынического района, Калининской обл. в 1934—1935 гг. (интересно знать: точно ли эта сказка была записана? не прилжил ли к записи свою руку собиратель? Очень уж далека эта сказка 96-летней старухи от подлинного народного творчества!).

Остальные три сказки рецензируемого сборника также относятся к числу традиционных. Из них интересна лишь последняя («Еруслан Лазаревич»), представляющая собой новый вариант популярного в русской сказочной традиции сюжета, выделяющийся конечной победой сына над отцом (обычно, как известно, побеждает отец).

Удивление читателя вызывает отсутствие в сборнике современных советских сказок. Как мог составитель в сборнике «Сказки Смоленщины» так обеднить сказочную традицию области? Почему он не включил в сборник ни одной сказки периода Великой Отечественной войны, ни одного предания о партизанской борьбе, которыми так богаты и фольклор Белоруссии, и фольклор Смоленской области? И мог ли он в таком случае давать такое общее и многообещающее название своему сборнику, как «Сказки Смоленщины»?

Общезвестно, что язык массовой популярной книги должен быть простым, ясным, понятным. В книге же встречается немало таких местных терминов, которые для массового читателя просто непонятны. Вот несколько примеров: «тмьякать» (стр. 24 — вместо «жевать»), «клец» — (стр. 10 — зуб от бороны), «судница» (стр. 24 — ларь, прилавок), «стега» (стр. 31 — тропинка) и многие другие. Если составитель хотел сохранить эти слова при публикации, чтобы не лишить речь сказочника ее специфических особенностей, то нужно было бы объяснить эти слова в примечаниях так, как это сделано со словами «войты», «ялина» и т. д.

В заставках, концовках и иллюстрациях к сборнику (художник С. Шестопал) удачно использованы мотивы народного орнамента Смоленской области. Жаль только, что однотонность оформления (все иллюстрации и заставки даны в светлозеленом фоне) сильно снижает достоинства орнамента, создает впечатление однообразия и лишает книгу яркости и привлекательности.

Наша советская критика неоднократно указывала на необходимость строго критического отбора сказок для массовых изданий (см., например, «Литературную газету», 1950, 4 января, № 2 (2593), стр. 2). Несмотря на наличие хороших, полноценных сборников сказок, раскрывающих чаяния и ожидания народные, до сих пор продолжают выходить неумелые издания «литературных обработок», извращающие пред-

¹ Б. Шурьгин, Сказки Смоленщины, Смоленск, 1949. стр. 22.

ставление читателей о творчестве великого народа. К этим изданиям может быть отнесена и рецензируемая книга.

Л. Н. Пушкарев

Г. Д. Меновщиков, *Чукотские, эскимосские, корякские сказки*, Хабаровск, 1950.

Устное творчество народов крайнего северо-востока Сибири — чукчей, коряков, эскимосов — изучено крайне недостаточно. В особенности это относится к фольклору коряков и эскимосов азиатского берега.

Фольклорные тексты чукчей, опубликованные Г. В. Богоразом, дают лишь представление о характере их устного творчества в XIX в.; при этом многие из записанных им произведений являются фольклорными памятниками более раннего периода. Судить об изменениях, происшедших в советский период в фольклоре чукчей, коряков и эскимосов, затруднительно, так как публикаций современного устного творчества этих народов крайне мало. Вышедший в 1950 г. сборник «Чукотские, эскимосские, корякские сказки» частично восполняет этот пробел в отношении сказочного жанра. Сказки, включенные в сборник, записаны в период 1928—1948 гг. Переводы выполнены: с корякского С. Стебнищим и Бабошиной, с чукотского — Г. Мельниковым и Л. Беликовым, с эскимосского — Г. Меновщиком и Н. Пугачевым.

Книга открывается новыми советскими сказками. Глубокие и быстрые перемены, происшедшие в тундре благодаря заботам советской власти о народах крайнего Севера, своеобразно отразились в чукотской сказке «Солнце». Жалобы бедняка, погибавшего с семьей от голода, услышало Солнце и, войдя в полог оленевода, указало ему на новых людей, появившихся в тундре, и на новую жизнь. Оленевод действительно нашел новых людей и новую счастливую жизнь в советском поселке. Сказка заканчивается словами: «Солнце — это советская власть. Она дала новую жизнь».

О новой жизни рассказывается и в эскимосской сказке «Нутагин и посланник Солнца». Сироте Нутагину приснился сон, что к нему от Солнца прилетел орел и рассказал, что на звезде Нихук живут счастливые люди — все они трудятся и нет среди них ни богатых, ни бедных. Нутагин со своими сородичами начал строить такую жизнь и стал «советским начальником». Своему народу он сказал: «Счастье пришло к нам от большого и яркого солнца, которое люди называют Сталин. Солнце это светит всегда».

Любопытное переплетение традиционных сказочных мотивов с новым содержанием можно наблюдать в чукотской сказке «Старик и мышка». Старик — охотник, ставивший капканы, подобрал замерзшую мышь, отогрел и отпустил ее. Благодарная мышь, когда за ней погнался песец, пробежала через капкан старика и заманила в него песца, в другой капкан она завела волка. Финал сказки весьма своеобразен. «Старик отправился домой, говорит: «В фонд обороны сдам эти шкурки. Действительно, сдал. Все!» В чукотской шуточной сказке «Большая птица» рассказывается о молодом чукче, испугавшемся огромной летящей и кричащей птицы. Сам юноша рассмеялся, когда окружающие разъяснили ему, что это самолет. Жизнь в тундре настолько изменилась, что испугаться самолета чукчи могут лишь в сказке. Отразились в сказках и огромные изменения, происшедшие в сознании чукчей, эскимосов, коряков в советское время. В этом отношении интересна эскимосская сказка «Человек и ворон». Притворившись мертвым, человек поймал ворона — вожака. За свою свободу ворон обещает сделать человека шаманом, но человек отвечает: «Не хочу быть хитрецом!» На предложение ворона сделать его богачом человек говорит: «Не хочу быть обманщиком». От ворона человек взял лишь волшебное деревянное блюдо с мясом, чтобы помочь бедным.

Особый интерес для этнографа представляют бытовые сказки чукчей, коряков и эскимосов: «Женитьба», «Брат и сестра», «Деревянное блюдо», «Собираатель лахтатского жира» и др. В этих сказках рисуются брачные обычаи, праздники, соревнование в производственных танцах, взаимоотношения, существовавшие в прошлом между кочевниками-оленьеводами и оседлыми зверобоями, материальный быт тех и других. Волшебные мотивы в этих сказках тесно переплетаются с бытовыми.

Весьма ценны помещенные в сборнике мифы о похождении птиц-творцов, культурных героев. Эти произведения позволяют видеть, что обряды космогонических мифов, бытующие среди народов северо-востока Сибири, окончательно потеряли в настоящее время религиозное значение. Многие из них приобрели юмористический оттенок и превратились в своеобразный отдел фольклора. Могущественный ворон-человек выступает героем ряда корякских сказок. «Жили-были в тундре два товарища, два побратима — Солнце и Ворон», — начинается сказка «Сохолюлан». Оба героя пытаются жениться на красавице дочери Севера, но это удается лишь ловкому Ворону. Обидевшись на него Солнце перестает греть землю, а красавица возвращается обратно к своему отцу. В сказке «Ворон и Солнце» происхождение зимних морозов и полярной ночи также объясняется ссорой Солнца и Ворона. Хитрый юноша Ворон женится на девушке — Луне, сестре могущественного Солнца. Оскорбленное Солнце, забрав у Ворона сестру, удаляется в далекие южные страны. Подвигам ворона и его сына Эмемкута — первого человека — посвящена сказка «Эмемкут и богатырь». Силой и хитростью наделяется ворон и в эскимосских сказках «Кошкин ворон», «Ворон и волк». В эски-